Марта Гавришко: Во Львове до сих пор нет мемориальной доски в память о жертвах погрома 1941 года

Львовский погром, 1941

Польский католический еженедельник Tygodnik Powszechny побеседовал с сотрудницей львовского Института украиноведения имени И. Крипякевича НАНУ, историком Мартой Гавришко о проблемах украинской исторической памяти, национальных мифах и Холокосте.

— Сложно ли сегодня заниматься изучением мрачных страниц украинской истории?

— Непросто. Исследования, представляющие версию истории, отличную от преподносимой в учебниках, вызывают отторжение и подозрение, провоцируют конфликты и протесты. Историков, берущихся за подобные темы, часто обвиняют в работе на спецслужбы других стран или, по меньшей мере, «несознательном нанесении вреда имиджу Украины на международной арене». Часто их также упрекают в «отсутствии патриотизма». Некоторые коллеги, изучающие украино-еврейские отношения, сталкиваются с проявлениями антисемитизма в научной среде, а порой и с неприкрытыми угрозами. Меня это тоже время от времени затрагивает.

Вместе с тем, появляется все больше молодых специалистов, которые пытаются критически взглянуть на историю Украины, поднимая, в том числе, болезненные темы, например, сотрудничества украинцев с немцами в годы Второй мировой войны. Как правило, эти исследователи взаимодействуют с иностранными академическими центрами, имеют доступ к источникам и современной научной литературе, что дает им необходимый методологический и теоретический инструментарий, которого не хватает в Украине.

— Недавно Владимир Вятрович — ныне депутат, а ранее — глава Украинского института национальной памяти, по случаю годовщины со дня рождения главнокомандующего УПА Романа Шухевича написал о нем в похвальном ключе, ни словом не упомянув о его ответственности за резню на Волыни и в Восточной Галиции. Единственное, что вызывает ситуации удивление, это отсутствие каких-либо критических комментариев со стороны украинской общественности.

— Большая часть украинского общества, в первую очередь научные круги, давно считает Вятровича политиком, а не историком. Все его публичные выступления и тексты, в том числе в социальных сетях, следует рассматривать под политическим углом зрения, учитывая идеологию и программу его партии. «Европейская солидарность», по крайней мере, отчасти, продвигает консервативно-националистические ценности, так, например, лозунг «Армія, мова, віра» использовался в предвыборной кампании Порошенко.

Трупы поляков — жертв резни, село Липники, 26 марта 1943

Часть членов «ЕС» придерживается так называемого украинского подхода к истории, опирающегося на националистический дискурс, в рамках которого предписывается хвалить всех, кто пожертвовал жизнью в борьбе за украинскую государственность, даже если они причастны к военным преступлениям. Так что мнение Вятровича о Шухевиче не вызывает удивления.

— Складывается, однако, впечатление, что не только поклонники Вятровича, но и большая часть украинских СМИ, касаясь исторических тем, пользуется его риторикой.

— Действительно многие тексты, которые попадаются мне на глаза, написаны в националистическом ключе. Это тоже не удивительно: в обществе (не только украинском) высок спрос на героическую историю, на «непокорных», силу духа, стойкость «наших», которым противопоставлены плохие «чужие». В ней присутствует образ жертвы, который мешает осознавать собственную ответственность за преступления или оправдывает их тем, что украинцы тоже страдали и подвигались репрессиям.

— Вы занимаетесь в первую очередь темой Холокоста на Западной Украине. В июле мы вспоминали о еврейских погромах, прокатившихся 80 лет назад в этом регионе. Присутствовала ли эта тема в СМИ?

— Эту печальную годовщину не проигнорировали лишь немногочисленные издания. Популярный портал LB.ua опубликовал интервью с львовским историком Андреем Усачом о погроме во Львове, что стало началом серии разговоров с другими исследователями о волне насилия, прокатившейся летом 1941 года. На львовском портале Zaxid.net появилось несколько публикаций о погромах, в том числе мой текст о женщинах, принимавших участие в антиеврейских акциях на территории Восточной Галиции. В этих материалах прямо говорится об участии в погромах местных украинцев, а также моделях памяти, сохранившихся о тех событиях.

Бог і Україна!

САМОСТІЙНА УКРАЇНА

Редакція і Адміністрація: Станиславів, вул. Нарбутівського ч. 7, І поверх, ч. тел. 22.
Ціна 50 коп. або 5 нім. фенігів

Рік І. Станиславів, 10 липня 1941. Ч. 3.

АКТ ПРОГОЛОШЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ДЕРЖАВИ

1. Волею Українського народу. Організація Націоналістів під проводом Степана БАНДЕРИ проголошує створення Української Держави, за яку поклали свої голови цілі покоління найкращих синів України.

Організація Українських Націоналістів, яка під проводом Її Творця й Вождя Евгена КОНОВАЛЬЦЯ вела в останніх десятиліттях кривавого московсько-большевицького панування боротьбу за свободу, взиває увесь український нарід не складати зброї так довго, доки на всіх українських землях не буде створена Суверенна Українська Влада.

Суверенна Українська Влада запевнить Українському народові лад і порядок, всесторонній розвиток усіх його сил та заспокоєння всіх його потреб.

2. На західних землях України твориться Українська Влада, яка підпорядкується українському Національному Урядові, що створиться у столиці України — КИЄВІ.

3. Новопостаюча Українська держава буде тісно співпрацювати з Націонал-Соціалістичною Великою Німеччиною, що під проводом свойого Вождя Адольфа ГІТЛЕРА творить новий лад в Европі і в світі та допомагає Українському Народові визволитися з підмосковської окупації.

Українська Національна Революційна Армія, що твориться на українській землі, боротиметься дальше в СОЮЗНОЮ НІМЕЦЬКОЮ АРМІЄЮ проти московської окупації за Суверенну Соборну Державу і новий лад у цілому світі.

Хай живе Українська Суверенна Соборна Держава! Хай живе Організація Українських Націоналістів! Хай живе провідник Організації Українських націоналістів й Українського Народу СТЕПАН БАНДЕРА!

СЛАВА УКРАЇНІ!

Текст Акта провозглашения Украинской державы, июль 1941. Фото: cdvr.org.ua

Большинство СМИ, в том числе украинская редакция «Радио Свобода» посвятили, однако, гораздо больше внимания 80-й годовщине провозглашения Акту провозглашения Украинского государства, а также массовым убийствам сотрудниками НКВД десятков тысяч заключенных в Западной Украине. О погромах рассказывали вскользь, лаконично, не упоминая о контексте и последствиях, а также, разумеется, о роли разных политических сил, в том числе ОУН.

— Выходит, большинство украинских СМИ проигнорировало годовщину погромов?

— К сожалению, да. Объективный материал об этом должен содержать информацию о роли местных украинцев, особенно там, где Красной Армии уже не было, а немцы еще не появились. Это, например, Гарасимов, Незвисько, Лука, Воронов, Жабокруки, Униж, Раковец, Петров в Ивано-Франковской области или Улашковцы и Заболотовка под Тернополем. Агрессию украинцев в отношении евреев в этих местах сложно объяснить воздействием нацистской пропаганды или тем, что немцы, как в других местах, подталкивали к погромам. Так что многие стараются просто обходить эту тему из-за ее «взрывного» потенциала.

— Это касается и самого масштабного, львовского погрома?

— Погром во Львове — один из наиболее хорошо задокументированных погромов лета 1941 года: сохранилось много воспоминаний, есть фотографии и киноматериалы. Этому событию посвящены десятки научных публикаций, из которых можно упомянуть труды канадского историка Джона-Пола Химки. Все это позволяет установить эпицентр насилия в городе.

— Какое место занимает погром сейчас в локальной исторической памяти?

— Во Львове до сих пор нет даже мемориальной доски, напоминающей о тех страшных событиях. О них не рассказывается и в музее Тюрьма на Лонцкого, посвященного массовым преступлениям НКВД (в конце июня чекисты расстреляли около 7 тысяч политических заключенных в нескольких львовских тюрьмах, из них примерно 50% были украинцами, 20-25% — поляками, 15% — евреями, — прим. Tygodnik Powszechny).

Трупы заключенных, расстрелянных в тюрьме на Лонцкого, 1941. Фото: cdvr.org.u

В экспозиции не упоминается, что после этого прокатилась волна антиеврейского насилия, не сказано и об убийствах, совершенных во дворе этой тюрьмы. Такая избирательность ведет к атомизации воспоминаний, отделения «нашей боли» от «чужой». Трагедия евреев Львова попадает, к сожалению, во вторую категорию. Об участии в погромах местного населения стараются забыть.

— Больше 15 лет назад украинская исследовательница София Грачева опубликовала в киевском журнале «Критика» важную статью о роли украинцев в погромах. Казалось, что завяжется дискуссия, как в Польше после выхода книги Томаша о погроме в Едвабне. Однако она быстро утихла.

— Грачева, очень талантливая исследовательница, на примере Золочева убедительно показала, какие проблемы возникают с памятью о погромах. Ее текст стал толчком к дискуссии с участием украинских и западных ученых. Утихла она по нескольким причинам. Прежде всего, в Украине не хватает интеллектуальной смелости. Говорить о погромах означает риск подвергнуться давлению, в том числе, со стороны научных кругов. Другая причина более прозаична: украинские исследователи в большинстве своем не имеют доступа к хранящимся в созданном Спилбергом Фонде Шоа или в Еврейском историческом институте в Варшаве свидетельствам евреев, а тем более к немецким документам. Не имея этих источников, изучать погромы сложно. Украинских свидетельств об этих событиях мало, а те, которые есть, преуменьшают роль местного населения.

Памятник евреям, замученным в Едвабне. Фото: Sylwester Gorski

— Почему на Украине так сложно писать критическую историю?

— Тому есть много причин. В научных кругах можно услышать о «гражданской ответственности» историка: ему предписывается создавать положительные национальные мифы, служащие сплочению общества. Я помню, как на презентации моей книги «Женские истории военных лет», проходившей в 2018 году в Львове, одна участница дискуссии, вузовский преподаватель, выразила разочарование моими тезисами. Она ожидала услышать историю о «героических деяниях» женщин в ОУН и УПА, а я говорила о дискриминации, сексуальном насилии в украинском националистическом подполье, участии женщин в преступлениях против гражданского населения. Такую критику я слышу регулярно.

— Российская агрессия в отношении Украины тоже наверняка не способствует критическому осмыслению истории.

— Безусловно, сложности связаны и с тем, что продолжается война. Милитаризация общества, постоянно испытывающего тревогу, пребывающего в состоянии травмы, ведет к тому, что многие обращаются к национальным мифам. Часто можно услышать, что «настоящую историю» следует отложить до мирных времен.

— Украинским институтом национальной памяти вот уже два года руководит Антон Дробович. Как это отразилось на исторической политике?

— Дробович не вызывает такой резкой реакции, как его предшественник, поскольку под его руководством УИНП не устраивает никаких «революций». Декоммунизация, которая стала предметом ожесточенных дискуссий, практически завершена. Институт старается лавировать между националистическим и «объединяющим» дискурсом, проявлением чего служат разные конференции, носящие отчетливую политическую окраску.

Роман Шухевич

Примером служит, например, недавняя конференция в Тернополе, организованная в ответ на протесты Польши против присвоения имени Шухевича местному стадиону. Дробович считается либералом, сторонником объединяющей национальной памяти, в которой есть место не только для украинцев, но и для крымских татар, поляков, евреев, представителей других народов. Он, в частности, подверг публичной критике киевский «Марш вышиванок» в честь 14-й дивизии войск СС «Галичина».

— Как относятся к исследованию мрачных страниц истории в научном институте, в котором вы работаете?

— Тема моих исследований, мягко говоря, восторгов не вызывает. В первую очередь потому, что я пишу в критическом ключе об ОУН и УПА. Один из моих начальников посоветовал мне повременить с этим, пока все участники национального подполья не отойдут в мир иной. Другой спросил, знаю ли я, как с «такими, как я» обходились во время войны… Меня называют «агентом Кремля», «украинкой без самосознания».

— Вы также работали в основанном Вятровичем Центре исследований освободительного движения.

— Я начала принимать участие в проектах Центра, поскольку он располагался в моем Институте, они поддерживали тесные контакты. В тот момент, признаюсь, у меня было романтическое представление об УПА. Это было связано с тем, что я выросла в деревне под Львовом под семейные рассказы о том, как мои родственники вели борьбу в подполье, а потом подверглись советским репрессиям. Свою роль в формировании положительного образа националистов сыграла учеба на историческом факультете Львовского университета. Сотрудничая с Центром, я заканчивала диссертацию на тему восприятия гитлеровской Германии жителями Галиции в период до 1939 года. Тогда ОУН еще не находилась в центре моих интересов, я мало о ней знала.

— Когда вы занялись темой ОУН и УПА?

— Когда стала изучать роль женщин в этих организациях. Я погрузилась в исторические источники и была шокирована. Чем больше документов я читала, тем бледнее становился героический образ украинских националистов. Это все сильнее противоречило версии истории, которую продвигал Центр, так что мой уход был неизбежен.

Парад в Станиславе (Ивано-Франковск) в честь визита рейхсляйтера Ганса Франка, октябрь 1941

— Одна из областей вашего научного интереса — это сексуальное насилие во время Холокоста. Сложная тема.

— При изучении будней женщин в ОУН и УПА, естественным образом возникла тема сексуального насилия. Погрузившись в научную литературу, я поняла, какое важное место оно занимает в истории военных конфликтов и насилия на этнической почве. История Холокоста в Украине демонстрирует, что системное насилие в массовых масштабах упрощает обращение к насилию индивидуальному, в том числе сексуальному, порой имеющему черты геноцида. В военный период насилие исходило и от соседей. Сейчас я пишу книгу о сексуальном насилии как практически неизвестном элементе жизни евреев в годы Холокоста.

Важным аспектом станет роль местных жителей, ведь до сих пор в большинстве работ в этом контексте рассказывалось о немцах. Между тем, сохранились воспоминания переживших Холокост и послевоенные судебные разбирательства, показывающие, что коллаборационисты и украинские полицейские тоже прибегали к насильственным действиям сексуального характера. Во время массовых казней, которые они проводили вместе с немцами, они развлекались, насилуя евреек, а потом убивая их. Случалось, что насилию подвергались еврейки, которые прятались, но были обнаружены. Некоторые в воспоминания именовали насильников «бандеровцами», что вполне возможно, ведь часть членов УПА охотилась в лесах на евреев.

Войцех Конончук, Tygodnik Powszechny (Польша)